

О.А. ВОЛОШИНА
Москва

Роман Якобсон «в поисках сущности языка» (К 120-летию со дня рождения)

В статье предлагается анализ некоторых положений лингвистического наследия Р.О. Якобсона, касающихся устройства и функционирования языковой системы. Рассматриваются его идеи относительно механизма образования форм спряжения и склонения, определяющих специфику морфологического устройства русского языка. На основе анализа форм русского склонения Р. Якобсон объясняет значения русских падежей, выявляя формальные методы исследования языкового значения. В статье предпринята попытка определения точки зрения Р. Якобсона на место языкознания в системе антропоцентрических наук, в частности семиотики, психологии и медицины.

Ключевые слова: *Р.О. Якобсон; семиотика и лингвистика; морфология русского языка; значение русских падежей.*

В отечественном языкознании есть имена, с которыми связаны не только новые темы научных исследований, но и целые направления, открывающие горизонты науки о языке и определяющие новое лингвистическое мировоззрение. К таким именам принадлежит имя Романа Осиповича Якобсона (1896–1982). Научные интересы этого выдающегося лингвиста настолько широки, что не представляется возможным хотя бы поверхностно охарактеризовать все направления его деятельности. Попробуем остановиться подробно на некоторых работах, на наш взгляд, ярко характеризующих его многогранную и плодотворную научную деятельность. Якобсону суждено было прожить долгую жизнь, а в его научном творчестве, как в капле воды, отражалась история развития отечественной и мировой лингвистики XX в.

С одной стороны, в работах Якобсона проявляется стремление к дифференциации лингвистических исследований. Это было совершенно необходимо в первой трети XX в., так как языкознание должно было ограничить задачи своих исследований и выработать строгие методы, с

помощью которых можно добиться поставленной цели – описать и попытаться объяснить устройство и функционирование языка. С другой стороны, Якобсон предвидел тупиковый путь, по которому может пойти лингвистика, обособившись от других наук антропоцентрического цикла, поэтому большинство его работ направлено на определение путей сотрудничества языкознания с другими науками, возможностей объединения усилий в деле исследования человеческого языка как важнейшего средства коммуникации и основы мыслительной деятельности, как фундамента всей человеческой цивилизации.

В XX в. первостепенной задачей языкознания была проблема исчерпывающего и непротиворечивого описания языковой системы.

Р. Якобсон представил попытку структурного описания системы спряжения русского глагола в работе «Русское спряжение», в которой он предлагает схемы образования (синтеза) форм глагольного спряжения путем присоединения окончаний к основам глагола. Якобсон описывает типы основ и чередования в основах, классифицирует флексии. Далее он формирует «общие правила» синтеза словоформ. Например, образование формы прошедшего времени описывается так:

Волошина Оксана Анатольевна,
кандидат филол. наук, доцент МГУ
им. М.В. Ломоносова.

E-mail: oxanao2005@mail.ru

2.111. Прошедшее время. **Неконечный суффикс -I-, обозначающий прошедшее время, имеет после себя суффикс, указывающий на род или на множественное число: м.р. – нуль, ж.р. -а, средн. р. -о., мн.ч. -і. Суффикс -I- перед -і превращается в -I', так как начальное і (или нуль, чередующийся с і) любого глагольного суффикса смягчает предшествующий согласный (ср. 2.122). После тех согласных, которые не подлежат изменению перед окончанием прошедшего времени, суффикс -I- опускается, если только за ним не следует гласный (p'ók ~ p'ík-l-á', n'ós ~ n'ís-l-á) [Якобсон 1985: 202].**

Интересно, что словоформа представляется Якобсону как полная цепочка аффиксов, присоединяемых к основе и необходимых для образования определенной грамматической формы, поэтому отсутствие того или иного аффикса воспринимается им как элизия.

Исключениям и образованию форм неправильных глаголов посвящены специальные правила. В результате получается полное формальное описание механизма спряжения русского глагола².

Таким образом, в рамках структурного подхода Якобсон предлагает системное описание механизма образования глагольных форм на материале русского языка. Однако система спряжения – это всего лишь часть огромного языкового организма. Стремясь распространить принцип формального описания на другие части языковой системы, Якобсон предлагает анализ русского склонения. В работе

«Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм)» он рассматривает падежные значения и способы их формального выражения в русском языке, предпринимает попытку структурного описания русского склонения. Чтобы выявить структуру склонения, нужно свести разнообразные падежные значения к общему инварианту: «Каждый падеж в своем многообразном применении обнаруживает ряд более или менее разнородных значений» [Якобсон 1985: 177]. Но «каково бы ни было разнообразие семантических вариаций, зависящих от чисто синтаксических и лексических условий, все же единство падежа остается реальным и ненарушимым», «в каждом падеже все его частные, комбинаторные значения могут быть приведены к общему знаменателю» [Там же: 178]. Например, конструкции с существительным в творительном падеже могут иметь разные значения, но они обнаруживают «общий признак: периферийная, побочная роль в содержании высказывания приписывается данному предмету» [Там же: 178–179]: все падежные «значения разлагаются на меньшие дискретные инварианты – падежные признаки³» [Там же: 179]. По мнению Якобсона, морфологический анализ падежных значений «открывает лежащую в их основе систему минимальных единиц грамматической информации, т.е. падежных признаков, и по общности признака объединяет падежи в классы» [Там же: 182].

Якобсон предлагает классификацию русских падежей по трем измерениям:

¹ Знак ~ у Якобсона обозначает чередование, «акцентуационный знак акута (´) над аффиксом указывает на то, что этот аффикс находится постоянно под ударением» [Якобсон 1985: 202].

² Такое описание очень напоминает принцип подачи языкового материала в знаменитой древнеиндийской грамматике Панини. Якобсон не ссылается на Панини, но во многих работах (и в этой по системе спряжения) он ссылается на Л. Блумфилда – главу американской лингвистической школы, исследователя и почитателя грамматики Панини. Явное влияние методики описания языка, представленной в грамматике Панини, на формальное представление русского спряжения проявляется и в манере подачи материала – иерархия правил грамматики: основное правило, правило-ограничение; правило-исключение и т.п. Индийское влияние на текст Якобсона обнаруживается и в метаязыке.

³ Якобсон считал: как фонема есть набор дифференциальных признаков, так и каждое грамматическое значение должно быть разложимо на минимальные признаки, противопоставляющие это грамматическое значение другому. Эти признаки, образующие оппозиции грамматических значений, представляют структуру грамматики. Подобный принцип описания фрагмента грамматической системы русского языка Якобсон предложил в работе «О структуре русского глагола», в которой каждое грамматическое значение представлено как член бинарной оппозиции (корреляции): видовая корреляция, залоговая корреляция, система спряжения и т.п. Якобсон утверждает: «понятие морфологической корреляции, как его сформулировал Трубецкой, должно быть положено в основу анализа грамматических систем» [Якобсон 1985: 212].

• падежи направленные (Дат. и Вин.) и ненаправленные (Им. и Тв.);

• объемные (Р. и П.) и необъемные (Им., Вин., Тв. и Дат.);

• периферийные (Тв., Дат. и П.) и непериферийные (Им., Вин. и Род.).

«Структурный подход к падежной системе вскрывает ее строго закономерный иерархический характер с беспризнаковым Им. как исходным падежом» [Якобсон 1985: 180].

Далее Якобсон рассматривает «добавочные» падежи – второй родительный и предложный:

Род. 1 *снѣга*, Род. 2 *снѣгу*; П. 1 в *снѣге*, П. 2 в *снегѹ*. Ср.:

Вороны чего-то искали в снегу, но корму в снегу не было. – Художники чего-то ищут в снеге, но живописности в снеге нет.

Однако становится очевидным, что формальное описание морфологии представляет упрощенную и искаженную картину устройства языка, так как не предполагает интереса к грамматической семантике, а ведь именно разные типы значения есть необходимая и наиболее перспективная составляющая лингвистического исследования. «Проблеме значения, в настоящее время законно вошедшей даже в учение о звуках (фонологию), должно быть отведено надлежащее место в науке о словесных формах» [Там же: 174]. Поэтому, описывая структуру русского склонения, Якобсон предпринимает попытку анализа падежной семантики в работе «К общему учению о падеже». Если раньше «вопрос о природе такой мнимо бесполезной категории, как падеж, большей частью подменялся механическим перечислением и описанием его различных частных значений» [Там же: 135], то теперь автор ставит задачу «вскрыть морфологические корреляции, составляющие систему современного русского склонения, объяснить таким образом общие значения русских падежей» [Там же: 139].

Якобсон предлагает описание и классификацию общих значений падежей. Возглавляет иерархию падежей именительный падеж, который играет «руководящую роль», «в противоположность всем другим падежам, ни в коей мере не ограничивает самораскрытия обозначаемого предмета (объекта) (то есть не говорит ни о его зависимости от действия, ни о его неполном присутствии в ситуации,

описываемой высказыванием)» [Там же: 141]. Это главный падеж, оформляющий «предмет высказывания».

Винительный падеж, как известно, обозначает объект, на который направлено действие. «Винительный падеж сам по себе показывает, что в иерархии смысловых элементов данного высказывания он подчиняется чему-то вышестоящему, то есть в противоположность именительному он указывает на наличие иерархии значений» [Там же: 143]. Так, в приводимых им фразах *Латвия соседствует с Эстонией* и *Эстония соседствует с Латвией* сообщается одна и та же информация, но внимание говорящего сосредоточено на существительном в именительном падеже как на более активном, на источнике действия, а винительный падеж оформляет существительное, играющее второстепенную роль, объект действия.

«Родительный всегда отмечает предел участия обозначаемого им предмета в содержании высказывания» [Там же: 146]. Здесь внимание говорящего сосредоточивается на «объеме предмета», родительный указывает, что «объем участия предмета в содержании высказывания меньше его полного объема»: *лимончика бы!*; *нужно спичек*.

«Дательный падеж, подобно творительному, указывает на периферийное положение предмета и, подобно винительному, на подверженность предмета действию. Поэтому дательный определяется как падеж непрямого, или косвенного, побочного объекта» [Там же: 157].

«Творительный особенно резко противопоставлен другим падежам в своем орудином значении» [Там же: 160].

Местный падеж является, по мнению Якобсона, антиподом именительному падежу как главному и беспризнаковому. «Местный является признаковым падежом – по отношению к именительному, творительному, винительному и дательному падежам – как содержащий признак объема, а по отношению к именительному, винительному и родительному – как содержащий признак периферийности» [Там же: 163]. Ведь «предмет в местном падеже не выступает в высказывании в своем полном объеме» (*стол о трех ножках*), «местный падеж оповещает о своем собственном периферийном положении по отношению к управляющему члену

предложения, выраженному или подразумеваемому» (*остров на реке, рассказы о войне*) [Якобсон 1985: 163].

Якобсон обнаруживает тесную связь русских падежей с категорией одушевленности/неодушевленности.

Отражением этой связи падежа с одушевленностью/неодушевленностью являются закрепленные в языковом сознании говорящих «школьные» вопросы: *кто* (И.) *делает; что* (В.) *делает; чем* (Т.) *делает; кому* (Д.) *делает*. Например: *Мальчик пишет карандашом письмо маме*.

Якобсон считает, что падеж – категория преимущественно морфологическая, однако частные падежные значения определяются всем словосочетанием – его синтаксическими и семантическими особенностями, поэтому падеж оказывается своеобразным узлом, связывающим морфологию, синтаксис и семантику. «Беспримечная эффективность языка коренится в последовательном наложении нескольких взаимосвязанных уровней, каждый из которых особым образом структурирован» [Там же: 314].

Якобсону как структуралисту необходимо было выявить формальные методы исследования языкового значения. Важнейшую проблему науки о языке – разграничение двух типов значения: лексического и грамматического, Якобсон решает, обратившись к опыту американского лингвиста и этнографа Ф. Боаса, который «тонко подметил обязательность грамматических категорий как специфическую особенность, отличающую их от лексических значений» [Там же: 231]. Если в языке значение должно быть выражено, независимо от желания говорящего, следовательно, это значение грамматическое. Например, в русском языке существительное согласуется с прилагательным в роде, числе и падеже – это обязательно, значит, относится к области грамматики, а вот указание на определенность/неопределенность необязательно: можно сказать *Этот (тот самый) человек вошел* или *Некий человек вошел*, но можно обойтись без указания на неопределенность/определенность – *Человек вошел*. Значит, в русском языке нет грамматической категории определенности/неопределенности. Если грамматическое значение существует в одном языке (например, род или число), то совершенно

необязательно это грамматическое значение будет выражаться и в других языках. Очевидно, что языки мира отличаются друг от друга специфическим набором грамматических значений. Якобсон пишет: «Таким образом, основное различие между языками состоит не в том, что может или не может быть выражено, а в том, что должно или не должно сообщаться говорящими» [Там же: 233].

Каждый язык создает своеобразную «картину мира», отраженную не только в лексике, но и в грамматике, ведь «любое различие в грамматических категориях несет семантическую информацию» [Там же: 235]. Эта языковая картина мира есть часть национального мировидения. Грамматический род слов, называющих неодушевленные предметы или явления, определяет представление об этих предметах в сознании носителей языка. Якобсон описывает эксперимент, проведенный в Московском психологическом институте в 1915 г., в результате которого носители русского языка представляли понедельник, вторник и четверг как лиц мужского пола, а среду, пятницу и субботу – женского. Очевидно, что персонализация дней недели основывалась на отнесенности слов к грамматическому роду [Там же: 366]. Слово *грех* в немецком языке женского рода (*die Sünde* – ж.р.), поэтому немецкие художники изображают грех в виде падшей женщины, а *смерть* (*der Tod* – м.р.), наоборот, в виде старика. Персонализация и метафоризация различных явлений и неодушевленных предметов, продиктованная грамматической категоризацией, принятой тем или иным языком, является основой поэтических и мифологических представлений. Например: *береза* – это всегда она, существо женского пола, *дуб* и *клен* – он, *река* и *земля* – она, *мороз* и *ветер* – он, *стрекоза* и *бабочка* – она, *кузнецик* и *жук* – он и т.п. Однако набор грамматических значений и грамматическая отнесенность того или иного слова в разных языках не совпадают: *книга* в русском языке женского рода, во французском – мужского, а в немецком – среднего рода.

Другим важным направлением деятельности Якобсона является изучение языка в аспекте семиотики: «Язык служит примером чисто семиотической системы. Все языковые явления – от мельчайших единиц языка до целых высказываний

или обмена высказываниями – всегда функционируют как знаки, и только как знаки» [Якобсон 1985: 325]. Полностью поддерживая учение Ф. де Соссюра о знаковой природе языка, Якобсон, осознавал односторонность некоторых тезисов соссюровского структурализма. Например, Якобсон указывает на своеобразие лингвистического знака, в котором значение, выражаемое в конкретном звучании, способно меняться в зависимости от контекста и речевой ситуации в целом.

Кроме того, Якобсон неоднократно указывал на тесную, сложно устроенную связь плана содержания языкового знака (значения) с планом выражения (формой). Соссюр настаивал на условной связи понятия и его выражения – акустического образа. Якобсон, опираясь на труды ученых, придерживающихся иной точки зрения, говорит о сложной, опосредованной связи между значением и звучанием слова в языке. Например, ссылаясь на французского поэта и литературного критика С. Малларме, Якобсон отмечает, что русское слово *день*, содержащее мягкие (палатализованные), а значит, дизьные (высокие) по акустической характеристике согласные, а также гласный переднего ряда (высокий звук), формирует в сознании слушающего впечатление чего-то ясного, высокого, светлого, яркого, а слово *ночь* – наоборот, благодаря новому (низкому) согласному, лабиализованному гласному (бемольному) и резкому звуку – аффрикате *ч*, вызывает представление о чем-то темном, мрачном и даже опасном. Таким образом, в русском языке звучание данных слов в целом соответствует их значению, а во французском языке, наоборот, слово *jour* 'день' состоит из низких и темных звуков, а *nuit* 'ночь' из светлых и высоких.

Якобсон сравнивает человеческий язык с другими семиотическими системами: языком животных, языком жестов, семиотикой ритуала, кино, костюма и т.п., признавая, что «язык является центральной и самой важной из всех семиотических систем», «лингвистика вносит основной вклад в семиотику». «В то же время любое сопоставление языка с той или иной знаковой системой другой природы имеет непреходящее значение для лингвистики, поскольку оно выявляет как свойства, объединяющие языковую систему со всеми или некоторыми из

других семиотических систем, так и специфические свойства естественного языка» [Якобсон 1985: 372].

Поскольку семиотика есть наука о системах, обеспечивающих коммуникацию, проблемы устройства и функционирования разного рода семиотических систем (и особенно человеческого языка как самой важной семиотической системы) становятся важнейшими в науках антропоцентрического цикла. Следовательно, «вопрос о семиотических и в особенности языковых составляющих, присутствующих в каждой системе человеческой коммуникации, должен служить важным направляющим фактором в будущих исследованиях всех типов социальной коммуникации» [Там же: 321].

Кроме того, для понятия процесса порождения речи важно учитывать данные таких наук, как психология, нейролингвистика и наука о детской речи.

Психология изучает поведение человека, его эмоции, ментальную и речевую деятельность. Однако «мыслительные операции, которые связаны с языком и семиотикой, кардинально отличаются от всех других психологических явлений» [Там же: 385]. Психоллингвистика изучает механизм порождения и восприятия речи, а следовательно, говорящего человека. При этом «код, используемый любым носителем данного языка или диалекта, нельзя считать неизменным и однородным: он включает элементы разных подкодов, отражающие существующую в данном радиусе коммуникации вариативность» [Там же: 413]. Исследование лингвистических и экстралингвистических параметров коммуникации на сам текст – его структуру и функционирование – стало важной проблемой психоллингвистических и социоллингвистических исследований.

Отечественная психологическая школа, изучая процесс порождения речи, выдвинула понятие внутренней речи как промежуточной стадии при вербализации мышления. Она «формирует, программирует и завершает наше высказывание и в общем виде управляет внутренней и внешней стороной нашего речевого поведения, равно как и нашей молчаливой реакцией на какие-либо сообщения» [Там же: 320]. Внутренняя речь – это переход от мысли к слову и предложению, к целому тексту, попытка подыскать подходящее формальное выражение для мысли.

Современная психолингвистика пытается открыть тайны языка «путем попыток вербализации невербализованного, подсознательного опыта, внешнего воплощения внутренней речи» [Якобсон 1985: 386].

В результате бурного развития нейролингвистики во второй половине XX в. были установлены типы речевых нарушений (афазии), вызванные локальным поражением коры головного мозга, выявлены типичные речевые ошибки людей с поражением определенного участка коры, разработана методика коррекции речевых нарушений. Якобсон в своих работах предлагает классификацию типов афазий, пишет об огромной ценности полученных нейролингвистами сведений о связи повреждения участка мозга с характерными речевыми нарушениями⁴. В частности, «сравнительное исследование афазии, с одной стороны, и аграфии и алексии, с другой – может пролить свет на отношения между устным и письменным языком; параллельный анализ расстройств речи и других нарушений в системах человеческой коммуникации, таких, как, например, нарушения систем жестикуляции, будет полезен для общей семиотики» [Там же: 402–403].

Наблюдения над речевыми расстройствами, а также анализ этапов становления детской речи, по мнению Якобсона, способны обогатить теоретическую лингвистику. Якобсон специально занимался исследованием речи ребенка, определял

этапы становления речевой компетенции, анализировал ошибки в речи детей (см.: [Якобсон 2004]).

Оценивая «сущность и цели современной лингвистики», Р. Якобсон делает вывод: «На первый взгляд кажется, что современная лингвистическая теория являет собой поразительное разнообразие противоречащих друг другу доктрин» [Якобсон 1985: 404]. Здесь и структурная лингвистика, и сравнительно-историческое языкознание, типология и психолингвистика, теория коммуникации и онтолингвистика и др. Однако «большинство якобы непримиримых противоречий относится к поверхности нашей науки, тогда как ее глубинные основания на протяжении десятилетий сохраняют удивительное единство» [Там же: 405].

Лингвистика, по убеждению Р. Якобсона, должна занять центральное место среди наук о человеке: «Оказалось, что проблемы взаимосвязей наук о человеке сконцентрированы вокруг лингвистики. Этот факт объясняется прежде всего исключительно регулярной и замкнутой структурированностью языка и той важной ролью, которую он играет в культуре; с другой стороны, как антропологи, так и психологи признают, что лингвистика является наиболее продвинутой и точной наукой о человеке и, следовательно, является методологической моделью для остальных смежных наук» [Там же: 370].

ЛИТЕРАТУРА

Якобсон Р. Избранные работы. – М., 1985.

Якобсон Р. Бессознательное и язык. Два типа афатических нарушений и два полюса языка // Лингвистика XX века: система и структура языка. – М., 2004. – Ч. I.

⁴ См.: Якобсон Р. Мозг и язык. Полушария головного мозга и языковая структура в свете взаимодействия и лингвистические типы афазии // Якобсон Р. Избранные работы. – М., 1985.